

положениях христианской веры» осуждал силовое решение религиозных противоречий: «Не дай Боже, чтобы воевать за веру — это обычай безбожных людей»³⁷¹.

Также многие белорусские просветители, будучи протестантами, осуждали внешнюю, показную религиозность в рамках обоснования необходимости «личной веры». Подобные взгляды разделял, например, Андрей Волан. В своём труде «Про государственного мужа и его добродетели» он писал: «... народ пакрыў сябе кляймо вечнае ганьбы, калі, разбурыўшы саюз і разарваўшы повязі з Госпадам, акунуўся ў нечысьць, і сваё сарамоцце выстаўляе кожнаму стрэчнаму. Прарокі, абуджаныя да слова Госпадам, пастаянна скардзяцца на народ і яго жрацоў, якія пагарджаюць боскім законам і для якіх не існуе аніякай розніцы паміж духоўным і свецкім»³⁷². Религиозная истина, по мнению Андрея Волана, добывается «не ад чалавечых меркаванняў», а «з вучэння апосталаў і прарокаў»³⁷³. По его мнению, религиозность и моральность человека должны основываться не на внешних проявлениях, а на внутреннем убеждении.

Таким образом, взгляды белорусских гуманистов и просветителей оказали большое влияние на национальное мировоззрение, на нравственные представления белорусского народа, их идеи легли в основу законодательных реформ Речи Посполитой. В частности, в Третьем Статуте ВКЛ, как одном из самых толерантных законодательных актов Европы того времени, были положения о праве человека на свободу вероисповедания, и о веротерпимости в отношениях между конфессиями. В третьей статье третьего раздела Статута ВКЛ толерантность обосновывалась следующим образом: «А иж в Речи Посполитой ест розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаячы тому, абы се с тое причины межы людми зашсье якое шкодливое не вщело, которую по иных королевствах ясне видим, обещуем то себе сполне за нас и за потомки наши на вечные часы под обовязком присеги, под верою, честью и сумненьем нашим, иж которые естесмо розни в вере, покой межы собою заховати, а для розное веры и отмены в костелех не проливать, ани се карати отсуженьем маетности, почтивостью, везеньем и выволаньем»³⁷⁴.

На этой основе сложилась традиция исследования идеи веротерпимости, — в дальнейшем, феномен толерантности и веротерпимости проявился в художественной литературе, публицистических сочинениях, философских трактатах белорусских авторов XIX-XX вв.

В.А. Волков, магистр культурологии, аспирант

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

ПОТЕНЦИАЛ СМИ

КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В настоящее время актуальной задачей в условиях развития межкультурного диалога является осмысление роли СМИ как средства преодоления многих барьеров на пути стабилизации и совершенствования социальных отношений.

³⁷¹ Цит. по: Философская мысль Беларуси: культурно-исторические этапы, славянский контекст, методология исследования : науч. отчет / А. С. Майхрович [и др.]. — Минск: НАН Беларуси: Беларус. навука, 2005. — С. 126.

³⁷² Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI — першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ.; падрыхт.: А. І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. — 2-е выд., выпр. — Мінск: Беларус. навука, 2003. — С. 521.

³⁷³ Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / НАН Беларусі, Ін-т філасофіі. — Мінск: Беларус. навука, 2008—2013. — Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]. — 2013. — С. 152.

³⁷⁴ Статут Вялікага Княства Литоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1989. — С.113.

Межкультурный диалог в эпоху глобализации, не смотря на его сложность и многовекторность является активным фактором формирования социокультурного пространства. Постоянная динамика информационной карты мира требует взвешенного и системного анализа коммуникативной множественности мира. Сделать это крайне сложно, особенно в эпоху информационно-коммуникативной революции, которая, по мнению российского исследователя Л. Земляновой, создает новую глобальную медиасферу: «стимулирующий фактор и гарант удачного воплощения во всех сферах современной жизни: от политики до культуры, экономики и науки, электронно-технических средств связи и информации, которые помогают существенно изменить привычные формы жизнедеятельности, направляя их от потребительского индустриального общества к информационному обществу знаний, которые становятся основным фактором дальнейшего развития цивилизации и осуществление всех ее идеалов усилиями мирного содружества разных стран и народов»³⁷⁵.

При реализации такого принципа функционирования глобального медиапространства, СМИ (традиционные и сетевые) должны учитывать плюрализм видов и функций журналистской деятельности, которые вносят свой профессиональный вклад в решение различных проблем информационно-коммуникативных сообществ. Поскольку медиа, находясь в эпицентре экономических, политических, общественных, культурных процессов, активно влияют на них, создают необходимую для общественной жизни базу современных и конструктивных информационных данных. Конечно, только новостного обмена для формирования диалога недостаточно. Необходимо учитывать различные факторы: особенности государственного строя, неоднородность экономического и технологического развития стран, поскольку в погоне за организацией глобального медиапространства, важно не потерять аудиторию.

Технические возможности медиапространства позволяют реализовывать коммуникативное взаимодействие посредством диалоговых площадок СМИ — интерактивных и аналитических ток-шоу, где участниками являются не отдельные индивиды, а представители всевозможных культур или интересов: социальных, экономических, культурных и т.д. Итог такого коммуникативного взаимодействия зависит не только от умения аргументации сторон, но и от уровня понимания интересов друг друга и культурного потенциала. В данном случае культурный потенциал участников определяется многоплановостью и объективностью репрезентации социальных и культурных проблем, а также выработкой стратегий их решения. Показательными в данном случаях являются белорусские проекты «Дело принципа», «Выбор» и «Что происходит?». Информационными поводами данных ток-шоу являются актуальные проблемы и вопросы современной отечественной культуры в режиме интерактивного диалога, иногда с резко сталкивающимися позициями. Показательным примером реализации межкультурного диалога может служить телешоу «Что происходит?», один из выпусков, которого был посвящен особенностям белорусско-китайских культурных и экономических взаимоотношений.

Также в аналитическом ключе происходит формирование межкультурного диалога в белорусской прессе. Положительной тенденцией является публикация материалов, способствующих трансляции культурных ценностей, формированию художественного вкуса и развитию музыкальной культуры.

Вместе с тем, многими исследователями поднимается вопрос о негативных и дезинтегрирующих свойствах современных СМИ. Так, по меткому высказыванию А. Репы в статье «Как увидеть нас вместе?»: «репрезентация народа центрируется в медиапространстве, следовательно, все разрозненные множественности, составляющие его тело, нивелируются в одном измерении — это измерение идентичности, которое

---

³⁷⁵ Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации / Л.М. Землянова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 33.

становится ящиком для стереотипных инвестиций, мысленных образов или броуновского движения суждений»³⁷⁶.

Автор гипотетически выделяет три главные формы народа как субъекта нынешней медиакратии: народ-славу, народ-фигуру, народ-эмоцию и три модальности народа, формируемые медиакратией как нечто единое: «во-первых, это война всех против всех (общество элементарных частиц), во-вторых, фантазматическое единство (нация-фантазм), и в-третьих, сочетание первого и второго в «общности эмоции»³⁷⁷.

Схожие оценки прослеживаются у российского исследователя Л. Земляновой, которая замечает необходимость решения проблем информационно-коммуникативных сообществ и видит в указанных выше триадах недостаток одного фундаментального компонента — ума как способности критического мышления и развития нового типа народа — народа-ума³⁷⁸. Соответственно, в таком понимании СМИ в условиях глобализации должны направлять свои усилия на то, чтобы аудитория смогла «увидеть нас вместе», но при этом, каждый ее участник является неповторимым и индивидуальным, а их совокупность должна стать народом-индивидуальностью. Культура народа является выражением его индивидуальности. Принимая во внимание культурные взгляды, макроэкономические и структурно-политические перспективы, можно получить дифференцированную картину мира.

СМИ ускорили процесс культурного обмена. Они производят и распространяют идеи, способствуют размыванию границ между своим и чужим, трансформируют культуру в поток значений, постоянно растворяя старые значения и создавая новые связи.

По мнению исследователей, наибольшую опасность глобализационного процесса в культурной плоскости представляет гомогенизация, т.к. именно в ней коренится космополитическая образ «я — гражданин Вселенной». Данный стереотип сочетает в себе несколько угроз: он отдаляет человека от самоопределения, прививает потребительское восприятие и прагматический подход к пониманию таких категорий, как «родина», «народ», «общность».

В этом прослеживаются последствия «культурного империализма», который меняет культурный контекст, в частности через СМИ, сокращает вектор ответной реакции на политическое и культурное вторжение, усложняет интеркультурную коммуникацию. Но собственная культура всегда формируется в диалоге с другими культурами, в осознании «другого» другим. Это обмен культурным опытом, достижениями на материальном и на духовном уровне. Поэтому можно утверждать, что «с одной стороны мы переживаем глобализацию в сфере коммуникации, средств массовой информации, с другой, — дробление политики вследствие этно-религиозных конфликтов во всем мире, а так же отчетливо проявляющейся секулярный национализм и религиозные фундаменталистские тенденции. Одновременно с этим, внеевропейский и американский мир оказывается под мощным давлением модернизации, оказываемого снаружи»³⁷⁹. Это во многом продиктовано следующими причинами. Во-первых, модернизация стала феноменом, наполненным конфликтами, поскольку поставила под вопрос традиционные культурные, экономические основы и ценности. Во-вторых, возникает противоречие между процессами модернизации и сохранением культурной памяти. В этом контексте наиболее подходящими являются выводы антрополога К. Барлевина, который утверждает, что в начале XXI в. многие чувствуют, что культурная идентичность в мультиполярном мире им не гарантирована, скорее

³⁷⁶ Репа А. Как увидеть нас вместе? // Зеркало недели. — 2007, № 3. — С. 52.

³⁷⁷ Репа А. Мода на глобализацию // Философская мысль. — 2007. №2 С. 24.

³⁷⁸ Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации / Л. М. Землянова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 412 с.

³⁷⁹ Барлевин К. Путь к интеркультурности // Практическая философия. — 2000. № 3. — С. 47.

наоборот — она становится еще более противоречивой, находясь в постоянном процессе изменений³⁸⁰.

В то же время, осознание различия между культурами вызывает необходимость формирования интеркультурного диалога. По мысли С. Хантингтона, СМИ приняли на себя роль культурного агента по созданию новой истории страны, а национальные СМИ призваны творить историю «других», над которыми доминирует культура Запада³⁸¹. Схожая трактовка присутствует в трудах Р. Абрамова, который полагает, что культурная глобализация меняет контекст, в котором происходит рождение и возрождение национальных культур³⁸². К этому следует также добавить, что в этом контексте происходит фрагментация культур, другое толкование их символов.

Сегодня все больше обостряется спор между идеей «культурного империализма», т.е. пониманием глобализации как «вестернизации» культуры, как доминированием культурных образцов, знаков и символов современного Запада и идеей «культурного сопротивления». Неприятие «культурного империализма» проявляется в особенностях прочтения и интерпретации текстов СМИ. По мнению Н.Ф. Пономарева, внедрение принципа «культурного сопротивления» следует толковать как достойный и взвешенный шаг. Реализацией этого принципа является развитие межкультурного диалога как эффективного способа обмена ценностями³⁸³. Ведь в толковании оппозиции добро/зло необходимым компонентом является умение различать, критически оценивать, приходиться к согласию.

Многие исследователи упрекают СМИ, что именно они причастны к усилению кризиса положительного героя в обществе. В этом контексте мы соглашались с П. Бергером, который считает, что знаковой фигурой XX столетия стал террорист. Террорист и сомнительный герой стали героями современного медиапространства, телевизионного в частности³⁸⁴. Как заявляет Н. Пономарев: «мы переживаем период адаптации к ценностям прагматизма жесткого рынка и экстремальной активности. Такую адаптацию можно назвать негативной, поскольку в противовес моде на антигероя СМИ должны противопоставлять ценности национальной культуры»³⁸⁵. В контексте «культурного сопротивления» работники СМИ должны помнить о назначении журналистики и об обязанности заботиться о результате (утверждение или отрицание норм и ценностей, формирование общественного мнения), а также о моральных принципах своей работы³⁸⁶. К тому же, по словам немецкого исследователя Ф. Ронненберга: «СМИ должны не только передавать то, что сказали “сильные мира сего”, они должны быть “зеркалом” мысли бессловесных масс»³⁸⁷. Средствам массовой информации часто под натиском растущей конкуренции приходится отказываться от фундаментальных исследований, качественной аналитики, которые способствовали бы пониманию между культурами.

Таким образом, для формирования эффективного межкультурного диалога СМИ должны исходить из уважения к правам человека, толерантности и признание культурного плюрализма, в результате чего может быть налажен конструктивный межкультурный диалог, способствующий продуктивной коммуникации, позволяющий «увидеть нас вместе», а не как фрагменты глобальной культурной мозаики. Освещение вопросов миролюбия, взаимопонимания, толерантности должно

³⁸⁰ Барлевин К. Путь к интеркультурности // Практическая философия. — 2000. № 3. — С. 44-49.

³⁸¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

³⁸² Абрамов Р. Н. Связи с общественностью / Р.Н. Абрамов — М: Академ Проект, 2009. — 511 с.

³⁸³ Пономарев Н.Ф. Стратегии медиалегитимации власти / Н.Ф. Пономарев. — Пермь: Наука, 2010. — 260 с.

³⁸⁴ Бергер П. Религия и общество / П. Бергер. — М.: Астрель, 1996. — 339 с.

³⁸⁵ Пономарев Н.Ф. Стратегии медиалегитимации власти / Н.Ф. Пономарев. — Пермь: Наука, 2010. — С. 182.

³⁸⁶ Репа А. Как увидеть нас вместе? // Зеркало недели. — 2007. № 3. — С. 51-57.

³⁸⁷ Репа А. Как увидеть нас вместе? // Зеркало недели. — 2007. № 3. — С. 55.

стать базовым принципом раскрытия многоцветной палитры национальных культур и традиций.

В.А. Можейко, магистр управления, аспирант

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»

Министерства образования Республики Беларусь

КОНСТРУИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Чтобы говорить о стратегии культурной политики Республики Беларусь, важно первоначально определить, что представляет собой культурная политика.

К сожалению, на сегодняшний день в Беларуси нет законодательно закреплённого юридического определения этого понятия. Если в самом общем виде определять культурную политику (здесь и далее это выражение используется как синоним государственной политики в сфере культуры), то культурная политика — это совокупность ценностных и стратегических ориентиров, принципов и механизмов деятельности государства в сфере культуры. Она может быть институционализированной и дезорганизованной; стратегической или бессистемно-спонтанной; мягкой, ориентированной на создание возможностей и поддержку субъектов творчества, либо жесткой, ориентированной на запреты и контроль (в таком виде стремясь к политике в сфере искусства).

Государственная политика в сфере культуры существует в любом случае; даже отсутствие каких-либо стратегий и минимализация действий, как-то затрагивающих культуру и искусство, уже является определенной политикой в этом направлении (политикой невмешательства).

В чем важность культурной политики, в первую очередь — для Беларуси, которая сегодня находится в весьма непростом культурном, цивилизационном и геополитическом контексте?

Во-первых, наша страна, согласно концепции С.Хантингтона,³⁸⁸ исторически расположена на классическом цивилизационном разломе. Это означает для нас многочисленные сложности с историко-культурным самоопределением, формированием национальной идентичности. Соответственно всё это накладывается и на непростую историческую перспективу. Проблемы культурной самоидентификации возникли у нас не сегодня и не вчера, это вопрос многих веков, который ничуть не теряет своей актуальности (напротив, сегодня острота этих проблем лишь нарастает).

Во-вторых, сегодняшняя ситуация Республики Беларусь — нахождение между двумя интеграционными проектами, европейским и евразийским, — характеризуется усилением региональных разделительных линий и, следовательно, нарастанием остроты проблемы самоидентификации. При этом столь же сильно растет на самоидентификацию спрос.

Наконец, в-третьих, всё это становится особенно заметно и актуально во время крупнейшего за последние 25 лет регионального и международного кризиса. Особенности аннексии Крыма и конфликта на юго-востоке Украины прозрачно демонстрируют важность эффективной культурной политики и, как следствие, сформированной национальной самоидентификации. Столь же хорошо видны и риски, более чем серьезные угрозы для государства от неэффективной культурной политики; они выходят далеко за пределы собственно искусства и культуры, становятся почвой для геополитических потерь и даже войны.

---

³⁸⁸ См.: Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. —New York: Simon & Schuster, 1996.